

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СТРЕССОГЕННОСТИ РОДИТЕЛЬСКОЙ РОЛИ У ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ РОДИТЕЛЕЙ: ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Тихонова И.В.,
Шипова Н.С.,
Мисиюк Ю.В.

ФГБОУ ВО Костромской государственный
университет (156005, г. Кострома,
ул. Дзержинского, 17/11, Россия)

Автор, ответственный за переписку:
Шипова Наталья Сергеевна,
e-mail: ronia_777@mail.ru

РЕЗЮМЕ

Изучение стресс-факторов намерений рождаемости является важным параметром формирования политики развития населения. В научной литературе отсутствует сравнение относительной важности различных видов детерминант и факторов стрессогенности родительской роли.

Цель исследования. Изучение факторов, детерминирующих представления о стрессогенности родительской роли у современной молодёжи.

Методы. Выборка состояла из 364 студентов без опыта родительства. Выделены три группы, различающихся по ориентации на рождение детей: группа потенциально малодетных родителей (257 человек); группа с чайлд-фри ориентацией (32 человека); группа с ориентацией на многодетность (75 человек). Использовались следующие методики: социально-демографическая анкета; «Шкала родительского стресса» (Parental Stress Scale; J.O. Berry, W. Jones, 1995; адаптация Ю.В. Мисиюк, И.В. Тихоновой, 2022); «Опросник установок на интенсивное родительство» (Intensive Parenting Attitudes Questionnaire; M. Liss, H.H. Schiffrin, V.H. Mackintosh, H. Miles-McLean, M.J. Erchull, 2013; адаптация Ю.В. Мисиюк, 2022); экспресс-вариант «Шкалы базисных убеждений» (World Assumptions Scale (WAS); R. Janoff-Bulman; модификация М.А. Падун, А.В. Котельниковой); авторское полуструктурированное интервью.

Результаты. Нами были проанализированы представления о стрессе, который сопряжён с исполнением родительской роли. Рассмотрены параметры, потенциально выступающие как факторы, определяющие стрессогенность родительства. Проанализирована специфика представлений о родительском стрессе и его детерминант в соответствии с доминирующей ориентацией на деторождение.

Заключение. Представления о стрессогенности родительской роли определяются объективными (возраст, статус личных отношений, образование) и субъективными (оценка семейных отношений, установки на необходимость стимуляции развития ребёнка, эссенциализм и получение удовлетворения от воспитания детей) факторами, однако наибольший вес имеют субъективные. Выявлена специфика детерминации представлений о родительском стрессе в зависимости от ориентации на деторождение.

Ключевые слова: родительство, представления о родительстве, родительский стресс, интенсивное родительство, стрессогенность родительской роли, молодёжь

Статья поступила: 05.06.2023

Статья принята: 24.01.2024

Статья опубликована: 26.03.2024

Для цитирования: Тихонова И.В., Шипова Н.С., Мисиюк Ю.В. Представления о стрессогенности родительской роли у потенциальных родителей: объективные и субъективные детерминанты. *Acta biomedica scientifica*. 2024; 9(1): 161-176. doi: 10.29413/ABS.2024-9.1.17

IDEAS ABOUT THE STRESSFULNESS OF THE PARENTAL ROLE IN POTENTIAL PARENTS: OBJECTIVE AND SUBJECTIVE DETERMINANTS

Tikhonova I.V.,
Shipova N.S.,
Misiyuk Yu.V.

Kostroma State University
(Dzerzhinskogo str. 17/11,
Kostroma 156005, Russian Federation)

Corresponding author:
Natalya S. Shipova,
e-mail: ronia_777@mail.ru

ABSTRACT

Studying stress factors of childbirth intentions is an important parameter in population development policy making. There is no data on the comparison of the relative importance of different types of determinants and stress inducing factors of parenting in the scientific literature.

The aim. To study the factors determining the ideas about the stressfulness of the parental role among modern youth.

Methods. The sample consisted of 364 students with no parenting experience. Three groups were identified, differing in their orientation towards having children: a group with a focus on single-child parenting (257 people); group with childfree focus (32 people); group with a focus on multi-child parenting (75 people). The following methods were used: socio-demographic questionnaire; "Parental Stress Scale" (J.O. Berry, W. Jones, 1995; adapted by Yu.V. Misiyuk, I.V. Tikhonova, 2022); "Intensive Parenting Attitudes Questionnaire" (M. Liss, H.H. Schiffrin, V.H. Mackintosh, H. Miles-McLean, M.J. Erchull, 2013; adapted by Yu.V. Misiyuk, 2022); express version of the "World Assumptions Scale" (R. Yanoff-Bulman; modified by M.A. Padun, A.V. Kotelnikova; author's semi-structured interview).

Results. We analyzed the ideas about the stress that is associated with fulfilling the parental role. Parameters that potentially act as the factors determining the stressfulness of parenthood are considered. The specificity of ideas on parental stress and its determinants is analyzed in accordance with the dominant orientation towards childbearing.

Conclusion. Ideas about the stressfulness of the parental role are determined by objective (age, status of personal relationships, education) and subjective (assessment of family relationship, attitudes towards the need to stimulate the child's development, essentialism and satisfaction from raising children) factors, but subjective ones have the greatest weight. The specificity of the determination of ideas about parental stress depending on the orientation towards childbearing has been revealed.

Key words: parenting, ideas about parenting, parental stress, intensive parenting, stressful parenting role, youth

Received: 05.06.2023
Accepted: 24.01.2024
Published: 26.03.2024

For citation: Tikhonova I.V., Shipova N.S., Misiyuk Yu.V. Ideas about the stressfulness of the parental role in potential parents: objective and subjective determinants. *Acta biomedica scientifica*. 2024; 9(1): 161-176. doi: 10.29413/ABS.2024-9.1.17

ОБОСНОВАНИЕ

«Родительство как главное жизненное предназначение», «счастье материнства/отцовства» – все эти клише превратились в социальные стереотипы, имеющие, однако, малое отношение к реальности. Родительство как источник стресса, причина дезадаптивных психических состояний всё чаще рассматривается российской и зарубежной наукой [1, 2]. Затраты, неудобства как материального, так и психологического плана могут отягощать сложившуюся в жизни родителей ситуацию [3]. Последствия родительского стресса (РС) широкомасштабны и разнообразны: он связан с ухудшением здоровья, плохими супружескими отношениями и жестоким обращением с детьми, препятствованием их нормальному психическому развитию [4]. Доказано, что воспринимаемый родительский стресс, связанный с требованиями родителей к себе, может оказывать негативное влияние на психическое здоровье и благополучие матерей [5], способствовать дисфункциональному развитию отношений между родителем и ребёнком, партнёрами и, таким образом, представлять собой факторы риска психопатологии всех членов семейной системы [6]. Следовательно, изучение факторов стрессогенности образа родительства является важной частью раннего выявления рисков и мишеней вмешательства для предотвращения более серьёзных неблагоприятных последствий.

В настоящий момент факторы, способствующие стрессогенности родительской роли, систематизированы и выделены в несколько групп [7]:

Социально-демографические показатели: пол (родительская роль более стрессогенная для матери, чем для отца) [1, 8]; возраст (большему стрессу подвержены молодые родители, а также родители старше 37 лет) [9]; материальная обеспеченность (обозначается как основной фактор стрессогенности отцовской роли) [10].

Социально-психологические показатели: социальная поддержка (незначительная поддержка со стороны семьи и общества связана с более негативными эмоциями и большим стрессом от воспитания) [1, 11]; наличие конфликтной ситуации в семье [9].

Психологические характеристики ребёнка: темперамент младенцев [12]; нарушения развития и детские болезни, поведенческие проблемы детей [13] и др.

Психологические характеристики родителя: сложности распределения времени и разграничения сфер семьи и работы [14]; физиологические факторы и дефицит сна [11], стиль воспитания [3, 13]; родительская компетентность и эмоциональное состояние [15].

Важно отметить, что при этом в литературе отсутствует сравнение относительной важности различных видов факторов стрессогенности родительской роли, представляющих собой ключевую составляющую ориентации на деторождение, которые должны способствовать оптимизации политики стимулирования рождаемости. Существующие исследования были сосредоточены на изучении реальных родителей, а не молодых людей, которые являются потенциальными родителями и, соответственно, ключевыми объектами вмешательства в по-

литику рождаемости. При этом крайне важно понимать, какие факторы детерминируют стрессогенность образа родительства среди молодых людей и, соответственно, могут оказывать влияние на отношение к намерению рождения детей.

Анализ возраста принятия решения в отношении сознательной бездетности показывает, что большинство взрослых-чайлдфри рано заявляют о своих намерениях остаться бездетными – в подростковом или, преимущественно, в раннем детородном (юношеском) возрасте, при этом возраст принятия решения по гендерным подгруппам различий не демонстрирует [16]. Установки на родительство складываются как относительно устойчивые к подростковому возрасту, претерпевая впоследствии только некоторые изменения под влиянием жизненной ситуации и иных факторов, а к юношескому возрасту на основе сложившихся установок уже сформировано образно-сконструированное содержание, включающее в себя отдельные и общие когнитивные схемы родительских поступков в частности и всего родительского поведения в целом на трёх уровнях: социальном, микросоциальном, личностно-смысловом. Соответственно, представления о сопряжённых с выполнением родительской роли сложностях так же, как и собственные репродуктивные планы, выражающиеся в изучаемой нами ориентации на родительство, имеет смысл изучать в юношеском возрасте [17, 18].

Согласно теоретической схеме А. Айзена, процесс принятия решений о рождении ребёнка ограничивается определёнными «жизненными факторами» (т. е. субъективными и контекстуальными условиями) [19]. Намерения деторождения связываются с индивидуальным социально-экономическим статусом, включая доход семьи, человеческий капитал (т. е. образование/здоровье) и качество занятости, что условно в литературе объединено категорией объективных факторов. Имеются исследования особенностей восприятия будущего родительства с учётом таких факторов, как пол и возраст [17]. Юношеский возраст констатируется как период становления более адекватного и определённого представления о родительстве; также выявлена гендерная специфичность, проявляющаяся в опережающем характере становления представлений о будущем родительстве у девушек. Также с неоднородностью намерений фертильности связан такой субъективный фактор, как восприятие родительской роли [20]. В качестве условия становления гармоничного отношения к родительству выступает система ценностных ориентаций, а высокая ценность родительства связана с позитивным отношением к материнству и отцовству и себе в качестве родителя. В качестве факторов, оказывающих влияние на формирование представлений о материнстве и отцовстве, также рассматриваются особенности родительских семей [21], самосознание и осознанная регуляция [22]. С.В. Мерзляковой и соавт. предпринято системное исследование факторов макро-, мезо- и микроуровня, определяющих разные компоненты семейного самоопределения. На микроуровне показана роль таких факторов, как пол, возраст, когнитивные способности, свойства темперамен-

та, эмоционально-волевые особенности личности, компетентность в общении, ответственность, нравственные ориентации [23].

Таким образом, было опубликовано большое количество литературы, в которой теоретически или эмпирически обсуждался вопрос о намерении рождаемости и его детерминантах. Многочисленные ситуационные, социально-экономические, детские и родительские факторы, способствующие РС, достаточно широко исследованные в отечественной и зарубежной литературе, не являются исчерпывающими характеристиками, оказывающими влияние на стрессогенность образа родительской роли у потенциальных родителей. При этом углублённые знания об относительной значимости различных факторов, влияющих на субъективное восприятие родительства и конкретно образа стрессогенности родительской роли, по-прежнему отсутствуют. Однако их крайне важно обнаружить, чтобы иметь возможность способствовать уменьшению стресса на стадии планирования деторождения. Существенная роль субъективных психологических факторов образа стрессогенности родительства остаётся за рамками изучения, формируя проблемное поле настоящего научного исследования. Кроме того, изучение ограничений (стресс-факторов) намерений рождаемости является важной основой для формирования политики развития населения.

В связи с этим **целью исследования** определено поисковое изучение факторов, детерминирующих представления о стрессогенности родительской роли у современной молодёжи. В соответствии с теоретической основой в текущем исследовании рассмотрены личные и контекстуальные детерминанты восприятия стрессогенности родительской роли, и они подразделяются на два условных вектора измерения – объективные (социально-демографические и анамнестические характеристики, пол, возраст, образование, семейное положение, тип родительской семьи, социально-экономический статус) и субъективные (базисные убеждения личности, установки на интенсивность родительства, оценка собственных детско-родительских и семейных отношений).

Выбор указанных субъективных факторов ориентирован на современные исследования механизмов и факторов стресса, среди которых значительная роль отводится убеждениям и установкам. Базисные убеждения определяются как «имплицитные глобальные, устойчивые представления индивида о мире и себе, оказывающие влияние на мышление, эмоциональное состояние и поведение человека» [24] как один из значимых механизмов формирования интенсивного стресса и посттравматического восстановления. Показано их влияние на существенные стороны социальной жизни личности, взаимодействие и взаимоотношения с окружающими людьми [25]. Среди доминирующих тенденций и подходов к воспитанию можно выделить вариацию осознанного, сверхвключённого родительства, предполагающего чрезмерную вовлечённость современных мужчин и женщин в развитие ребёнка, родительский детерминизм и всестороннее развитие ребёнка для достижения им более высокого социального статуса. Данный

подход в западном и отечественном научном дискурсе представлен установками на «интенсивное родительство» [26]. Установки на интенсивное родительство могут выступать стрессогенным фактором родительской роли, пагубно сказываясь на психическом здоровье родителей [3], связанном со снижением удовлетворённости жизнью, постоянным чувством бремени из-за родительской роли, и отражая тяжесть требований родительства, что в условиях повышенных ожиданий от роли родителя со стороны общества формирует устойчивое субъективное отношение к восприятию отцовства и материнства ещё задолго до появления детей.

Основная **гипотеза исследования** состоит в предположении о преимущественном влиянии субъективных факторов на восприятие стрессогенности представлений о родительской роли.

МЕТОДЫ

Для исследования представлений о стрессогенности родительской роли у потенциальных родителей была использована методика «Шкала родительского стресса» (Parental Stress Scale; J.O. Berry, W. Jones (1995), русскоязычная версия в адаптации Ю.В. Мисюк, И.В. Тихоновой (2022)), выявляющая общий уровень РС (в нашем исследовании – представлений об уровне РС) независимо от социально-демографических и ситуативных показателей, а также позволяющая определить выраженность параметров РС (родительские стрессоры, потеря контроля, родительское вознаграждение/ущерб, родительская удовлетворённость/неудовлетворённость) [27].

Для исследования объективных факторов применялась социально-демографическая анкета, а для изучения субъективных факторов использовались следующие методики:

- социально-психологический раздел анкеты, который исследовал оценку отношений в семье, ориентации на брак, семейные отношения, деторождение;
- методика «Опросник установок на интенсивное родительство» (Intensive Parenting Attitudes Questionnaire; M. Liss, H.H. Schiffrin, V.H. Mackintosh, H. Miles-McLean, M.J. Erchull (2013); адаптация Ю.В. Мисюк (2022)), диагностирующая выраженность установок на интенсивное родительство, к которым относятся эссенциализм, удовлетворённость, трудности, стимуляция и детоцентрированность [26];
- экспресс-вариант опросника «Шкала базисных убеждений» (World Assumptions Scale (WAS); R. Janoff-Bulman; модификация М.А. Падун, А.В. Котельниковой). Первоначальная форма опросника была модифицирована. Из каждой шкалы, предлагаемой авторами («Образ Я», «Доброжелательность окружающего мира», «Справедливость», «Удача», «Убеждения о контроле»), было выделено утверждение, которое по результатам психометрической проверки имеет наибольшую факторную нагрузку [25]. Данные утверждения предлагались респондентам в виде визуальных шкал, степень согласия с утверждением оценивалась в процентной выраженности по шкале.

В тексте результаты представлены в формате средних баллов и процентной выраженности с учётом максимально возможных значений (параметры указаны для каждого показателя). При оценке выраженности шкал и удобства сравнения результатов следует ориентироваться на показатели в процентах.

Инструкции к опросникам подлежали модификации; респондентам предлагали давать ответы с точки зрения представлений о гипотетических отношениях с будущим ребёнком.

Использовались следующие статистические процедуры пакета SPSS Statistics 22 (IBM Corp., США): дескриптивная статистика (для обзорного описания результатов применения исследовательских инструментов); коэффициент корреляции Спирмена (для определения корреляционных связей между переменными); регрессионный анализ (метод пошаговой гребневой регрессии – для выявления влияния переменных).

Исследование построено на принципе добровольности; все респонденты давали информированное согласие на участие. Опрошенным были сообщены цель исследования и их права. Соблюдались принципы конфиденциальности и экологичности. Исследование одобрено локальным этическим комитетом Костромского государственного университета (протокол № 2 от 22.04.2022).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Выборка (обобщённая характеристика представлена в таблице 1) состояла из 364 бездетных студентов (218 (59,9 %) девушек, 146 (40,1 %) юношей), которые получают педагогическое, медицинское, социологическое, инженерно-техническое образование в высших учебных заведениях г. Костромы и г. Ярославля. Средний возраст составил 19,43 года ($SD = 1,87$).

ТАБЛИЦА 1
ОПИСАТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА ОБЪЕКТИВНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ/ФАКТОРОВ В МОЛОДЁЖНОЙ ВЫБОРКЕ (n = 364)

Пол (n)		Возраст (M)		Образование (n)			
муж.	жен.	муж.	жен.	среднее	средне-специальное	неполное высшее	высшее
146	218	19,43	19,37	184	58	98	24
Семейное положение (n)				Наличие сиблингов (n)			
холост/не замужем	в романтических отношениях	в официальном браке		1	2	3 и более	нет
179	173	12		188	73	32	71
Характеристики родительской семьи (n)				Вид деятельности (n)			
полная семья	неполная семья/в разводе			учащиеся	работающие студенты		
261	96			364	68		

В выборке имеет значительную представленность (26,9 %) группа респондентов с «неполным высшим» образованием – это лица, не завершившие обучение в вузе в прошлом либо сменившие специальность подготовки. 47,53 % молодых людей не состоят в отношениях. 71,15 % воспитывались в малодетной семье, у 19,5 % респондентов не было сиблингов.

Результаты описательной статистики (табл. 2) демонстрируют, что общий уровень PC в представлениях молодёжи соответствует умеренным значениям. Наименьшую выраженность в «профиле» PC имеет родительская неудовлетворённость; признаются повышенный уровень требований к родителю («стрессоры»), вероятность потери контроля над собственной жизнью и дефицит эмоционального вознаграждения от реализации роли родителя.

Потенциальные родители воспринимают родительскую роль как «интенсивную». Они имеют убеждения о необходимости активной стимуляции развития детей, установку на восприятие родительской роли как трудозатратной и воспринимают ребёнка как центр внимания в семье. В меньшей степени выражена установка на эссенциализм, то есть респонденты не ориентированы на главенствование матери в уходе за ребёнком и воспитании.

Молодые люди в целом показывают преобладание позитивных базисных убеждений в отношении «Образ Я», демонстрируют устойчивые представления о контроле над собственной жизнью и событиями, однако в меньшей степени верят в собственную удачливость, справедливость и доброжелательность окружающего мира. Детско-родительские и семейные отношения респонденты оценивают довольно высоко ($M = 8,19$ и $M = 8,14$ из 10).

Представим схему, отражающую зависимость параметров родительского стресса от объективных и субъективных характеристик (рис. 1).

TABLE 1
DESCRIPTIVE STATISTICS OF OBJECTIVE DETERMINANTS/FACTORS IN THE YOUTH SAMPLE (n = 364)

ТАБЛИЦА 2

ОПИСАТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ
ВЫРАЖЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СТРЕССОГЕННОСТИ
РОДИТЕЛЬСКОЙ РОЛИ И ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ
СУБЪЕКТИВНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ/ФАКТОРОВ
В МОЛОДЁЖНОЙ ВЫБОРКЕ ($n = 364$)

TABLE 2

DESCRIPTIVE STATISTICS OF INDICATORS
OF THE PERCEPTION SEVERITY OF THE PARENTAL
ROLE STRESSFULNESS AND THE ALLEGED SUBJECTIVE
DETERMINANTS/FACTORS IN THE YOUTH SAMPLE
($n = 364$)

Параметры родительского стресса							
	Родительские стрессоры (max – 30)	Родительский вознаграждение/ ущерб (max – 25)	Потеря контроля (max – 20)	Родительская удовлетворённость/ неудовлетворённость (max – 15)	Общий уровень родительского стресса (max – 90)		
M (%)	15,37 (51,22)	12,11 (48,45)	9,11 (45,55)	6,63 (36,86)	44,37 (49,30)		
σ	4,34	6,36	3,29	2,85	12,78		
Параметры установок на интенсивное родительство							
	Эссенциализм (max – 48)	Удовлетворённость (max – 24)	Стимуляция (max – 24)	Трудности (max – 36)	Детоцентризм (max – 18)		
M (%)	22,48 (46,84)	17,07 (71,14)	18,74 (72,15)	26,75 (74,31)	11,37 (63,19)		
σ	5,62	3,53	3,11	3,50	2,43		
Параметры базисных убеждений и оценки детско-родительских семейных отношений							
	Образ Я (max – 100)	Доброжелательность окружающего мира (max – 100)	Справедливость (max – 100)	Удача (max – 100)	Убеждение о контроле (max – 100)	Оценка детско-родительских отношений (max – 10)	Оценка семейных отношений (max – 10)
M	77,13	52,47	62,32	61,41	71,07	8,19	8,14
σ	47,86	24,58	26,91	22,55	21,28	1,91	2,03

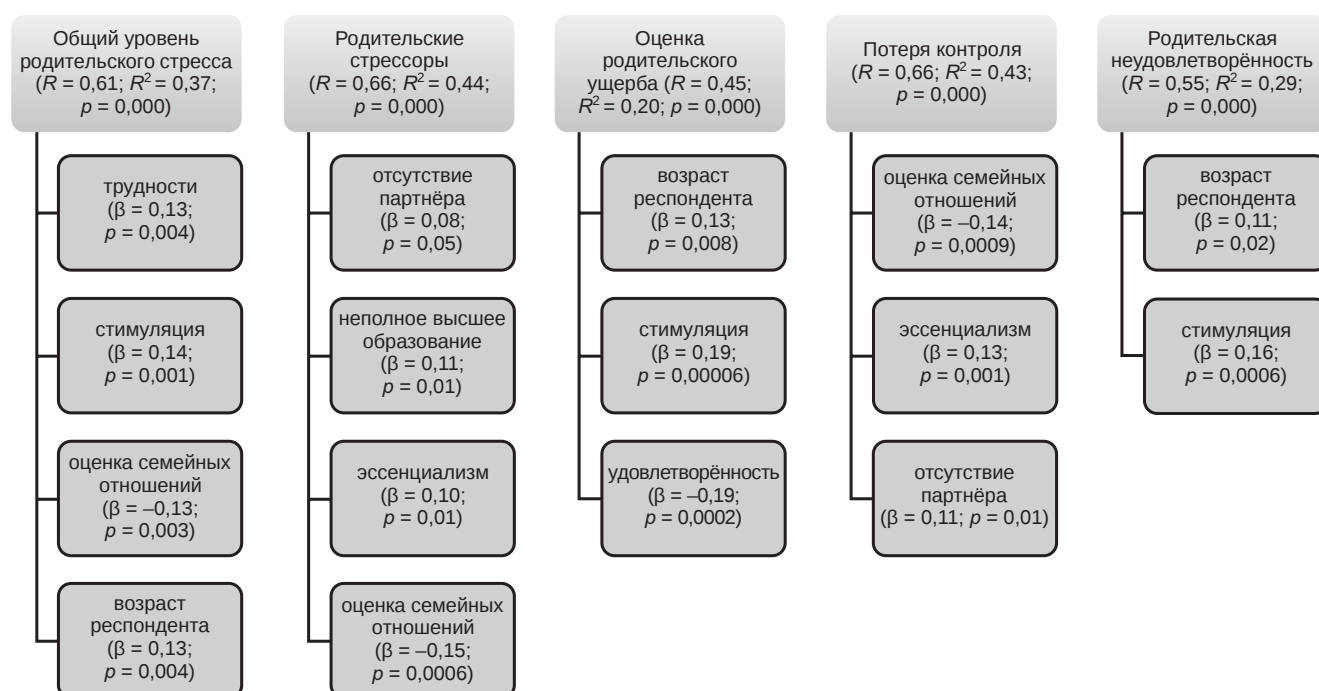

РИС. 1.

Регрессионный анализ факторов, предсказывающих представление о родительском стрессе у молодёжи

FIG. 1.

Regression analysis of factors predicting perceptions of parental stress in young people

Общая регрессия была статистически значима для показателей общего уровня ожидаемого РС и его составляющих. Было обнаружено, что они значительно предсказываются такими объективными факторами, как возраст, статус личных отношений и образование, и такими субъективными факторами, как оценка семейных отношений, установка на необходимость стимуляции развития ребёнка, эссенциализм и получение удовлетворения от воспитания детей. Общий уровень РС ($R = 0,61$; $R^2 = 0,37$; $p = 0,000$) положительно предсказывается установками на интенсивное родительство: трудности ($\beta = 0,13$; $p = 0,004$) и стимуляция ($\beta = 0,14$; $p = 0,001$), – а также возрастом респондента ($\beta = 0,13$; $p = 0,004$); при этом отрицательно он определяется оценкой семейных отношений ($\beta = -0,13$; $p = 0,003$).

В оценку родительской роли как напряжённой (уровень «родительских стрессоров») ($R = 0,66$; $R^2 = 0,44$; $p = 0,000$) положительный вклад вносят отсутствие партнёра (статус «холост/не замужем») ($\beta = 0,08$; $p = 0,05$), уровень образования (неполное высшее) ($\beta = 0,11$; $p = 0,01$), установка на эссенциализм ($\beta = 0,10$; $p = 0,01$); отрицательный вклад – субъективная оценка семейных отношений ($\beta = -0,15$; $p = 0,0006$).

Представление о потенциальных ограничениях и эмоциональном дискомфорте от родительской роли («родительский ущерб») статистически значимо положительно предсказывается ($R = 0,45$; $R^2 = 0,20$; $p = 0,000$) возрастом респондента ($\beta = 0,13$; $p = 0,008$), установкой на стимуляцию ($\beta = 0,19$; $p = 0,00006$), отрицательно – установкой на получение удовлетворённости от реализации родительской роли ($\beta = -0,19$; $p = 0,0002$).

Ожидание потери контроля над собственной жизнью у потенциальных родителей положительно определяется ($R = 0,66$; $R^2 = 0,43$; $p = 0,000$) фактом отсутствия партнёра ($\beta = 0,11$; $p = 0,01$), установкой на эссенциализм ($\beta = 0,13$; $p = 0,001$), отрицательно – оценкой семейных отношений ($\beta = -0,14$; $p = 0,0009$).

Важный показатель РС «родительская неудовлетворённость» в представлениях молодых людей будет положительно предсказываться ($R = 0,55$; $R^2 = 0,29$; $p = 0,000$) возрастом респондента ($\beta = 0,11$; $p = 0,02$) и установкой на стимуляцию ($\beta = 0,16$; $p = 0,0006$).

Выборка разделена на три эмпирические группы по ориентации на деторождение на основе вариантов ответов респондентов в анкетной части о желаемом количестве детей в будущем. В исследуемой группе были выделены: группа потенциально малодетных родителей с ориентацией на классическую структуру семьи, имеющую 1–2 ребёнка ($n = 257$; $M = 19,45$; $SD = 1,86$); группа чайлд-фри, заявивших о нежелании иметь детей в будущем ($n = 32$; $M = 18,78$; $SD = 1,48$); группа лиц с ориентацией на многодетность ($n = 75$; $M = 19,45$; $SD = 2,01$), которые отметили намерение иметь 3 и более детей (табл. 3).

Среди социально-демографических характеристик в выделенных эмпирических группах в качестве ключевых особенностей следует выделить сле-

дующие. На *малодетность* больше ориентированы девушки (61,9 %) нежели юноши (38,1 %); большинство находится в романтических отношениях (52,5 %) или в официальном браке (4,7 %); в данной группе самый высокий процент трудоустроенной (21 %) молодёжи, уже имеющей среднее-специальное образование (16,7 %); большинство выросли в полной семье (70,8 %); самый высокий процент не имеющих сиблингов (22,2 %) среди всех групп. В *группе с ориентацией на многодетность* больше девушек (58,7 %); 50,7 % опрошенных холосты/не замужем, 45,3 % находятся в романтических отношениях/гражданском браке; совмещают учёбу и работу 17,3 %; имеют среднее-специальное образование 16 %; большинство (74,7 %) – из полной семьи; не имеют сиблингов 12 %, при этом 45,3 % имеют 2–4 сиблинга (респонденты сами воспитывались в многодетной семье). В *группе с ориентацией на бездетность* больше юношей (53,1 %); самый маленький процент среди групп работающих студентов (3,1 %) и имеющих образование (среднее-специальное – 9,4 %); большинство (71,9 %) воспитывались в полной семье; респонденты преимущественно не имеют романтических отношений (84,4 %); сиблингов не имеют 15,6 %.

Проведённый анализ показал, что уровень стрессогенности родительской роли статистически значимо различается в представлениях молодёжи с разной ориентацией на деторождение. Максимальная стрессогенность родительской роли определяется в представлениях студентов, говорящих о нежелании иметь детей. Они отмечают высокий уровень общей выраженности родительского стресса ($n = 32$; $M = 58,44$ или 64,93 % от максимального балла). В «профиле» его выраженности мы можем отметить превалирование показателей, связанных с требованиями и ограничениями родителя: «Родительские стрессоры» ($M = 21,47$ или 71,56 % от максимального балла) и «Потеря контроля» ($M = 13,94$ или 69,69 % от максимального балла). У респондентов, для которых предпочтительной формой семьи является многодетная, показатели родительского стресса самые низкие. Представления о родительстве респондентов, предпочитающих многодетность и малодетность, статистически значимо разнятся по параметрам «Родительских стрессоров» ($M = 13,81$ или 46,04 % от максимального балла; $M = 15,00$ или 50,19 % от максимального балла соответственно), «Потери контроля» ($M = 7,85$ или 39,26 % от максимального балла; $M = 8,88$ или 44,37 % от максимального балла соответственно), «Родительской неудовлетворённости/удовлетворённости» ($M = 5,84$ или 32,44 % от максимального балла; $M = 6,60$ или 36,10 % от максимального балла соответственно).

Для выявления факторов, связанных с представлениями о РС у молодёжи с разной ориентацией на деторождение, были определены их корреляции (рис. 2, 4, 6), а для определения детерминант, предсказывающих повышение стрессогенности родительской роли в представлениях молодых людей, проведён регрессионный анализ (рис. 3, 5, 7).

ТАБЛИЦА 3
ОПИСАТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК
МОЛОДЁЖНОЙ ВЫБОРКИ В ЭМПИРИЧЕСКИХ ГРУППАХ
С РАЗНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ НА ДЕТОРОЖДЕНИЕ (n = 364)

TABLE 3
DESCRIPTIVE STATISTICS OF SOCIO-DEMOGRAPHIC
CHARACTERISTICS OF A YOUTH SAMPLE IN EMPIRICAL
GROUPS WITH DIFFERENT FOCUS TOWARDS
CHILDBEARING (n = 364)

Характеристики	Ориентация на «малодетность» (n = 257)	Ориентация на «многодетность» (n = 75)	Ориентация на «бездетность» (n = 32)
Возраст (М)	19,45	18,78	19,45
Пол, n (%)			
Девушки	159 (61,9)	44 (58,7)	15 (46,9)
Юноши	98 (38,1)	31 (41,3)	17 (53,1)
Вид деятельности, n (%)			
Учащиеся	236 (91,8)	70 (93,3)	31 (96,9)
Работающие	21 (8,2)	5 (6,7)	1 (3,1)
Работающие студенты	54 (21,0)	13 (17,3)	1 (3,1)
Семейное положение, n (%)			
Холост/не замужем	110 (42,8)	38 (50,7)	27 (84,4)
В романтических отношениях	135 (52,5)	34 (45,3)	5 (15,6)
В официальном браке	12 (4,7)	3 (4,0)	0
Образование, n (%)			
Среднее	131 (60,0)	37 (49,3)	17 (53,1)
Средне-специальное	43 (16,7)	12 (16,0)	3 (9,4)
Неполное высшее	70 (27,2)	18 (24,0)	10 (31,3)
Высшее	15 (5,8)	8 (10,7)	2 (6,2)
Характеристики родительской семьи, n (%)			
Полная семья	182 (70,8)	56 (74,7)	23 (71,9)
Неполная семья / в разводе	75 (29,2)	19 (25,3)	9 (28,1)
Наличие сиблингов, n (%)			
Нет (испытываемый – единственный ребёнок)	57 (22,2)	9 (12,0)	5 (15,6)
1 сиблинг (малодетная семья)	134 (52,1)	32 (42,7)	23 (71,9)
2–4 сиблинга (многодетная семья)	66 (25,7)	34 (45,3)	4 (12,5)

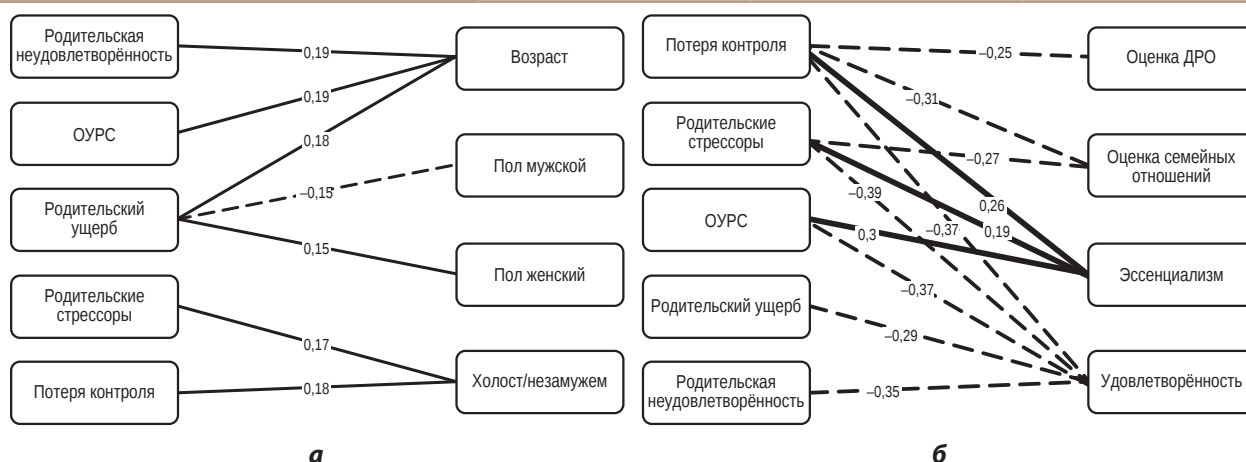

РИС. 2.
Корреляции показателей уровня предполагаемого родительского стресса у молодёжи с ориентацией на малодетность:
а – с объективными характеристиками; **б** – с субъективными характеристиками. Уровень статистической значимости: линия средней толщины – $p \leq 0,01$; толстая линия – $p \leq 0,001$

FIG. 2.
Correlations of parameters of anticipated parenthood stress in youth with a focus on having few children: **а** – with objective characteristics; **б** – with subjective characteristics. Level of statistical significance: medium line – $p \leq 0.01$; thick line – $p \leq 0.001$

В группе лиц с ориентацией на малодетность среди объективных стрессогенных факторов мы можем отметить следующие анамнестические характеристики: возраст, женский пол, отсутствие партнёра (положение холостого человека/незамужней девушки) (рис. 2). Напротив, фактором, снижающим РС, выступает мужской пол. Стоит отметить, что контекстные «объективные» факторы имеют слабые корреляционные связи с параметрами РС по сравнению с «субъективными», у которых связи обладают умеренной силой. Так, обнаружены отрицательные связи высокого уровня значимости всех показателей предполагаемого родительского стресса с установками на удовлетворённость. Убеждение о ведущей роли матери в воспитании детей может быть положительно связа-

но со стрессогенностью родительства в представлениях молодёжи. Сильными отрицательными связями также характеризуется взаимодействие параметра потери контроля с оценкой семейных и детско-родительских отношений (рис. 2). При анализе причинно-следственных связей между симптомами родительского стресса и разными группами факторов была получена несколько иная картина (рис. 3).

Оказалось, что в группе потенциально малодетных родителей представления об общем уровне родительского стресса детерминируются лишь одним объективным фактором – возрастом респондента ($R = 0,20$; $R^2 = 0,42$; $p = 0,001$; $\beta = 0,19$). Но его усиление предсказывается комплексом субъективных факторов ($R = 0,48$; $R^2 = 0,23$; $p = 0,000$): выраженностью устано-

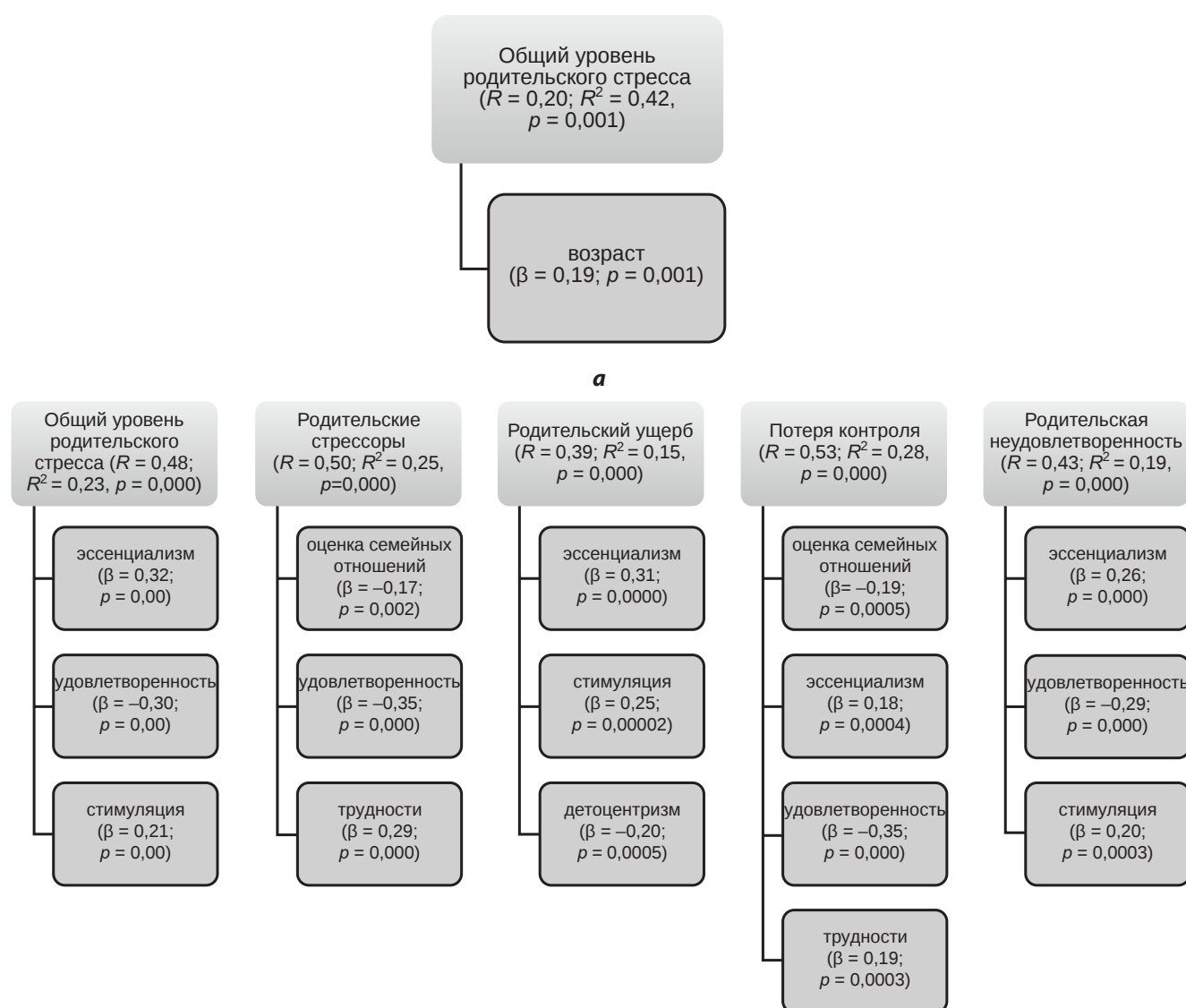

РИС. 3.

Детерминация показателей уровня предполагаемого родительского стресса у молодёжи с ориентацией на малодетность: **а** – объективных характеристик; **б** – субъективных характеристик

FIG. 3.

Determination of the indicators of anticipated parental stress level in young people with a focus on having few children: **a** – objective characteristics; **b** – subjective characteristics

вок на преимущественную роль матери в воспитании детей ($\beta = 0,32$; $p = 0,00$), на необходимость стимулировать развитие ребёнка ($\beta = 0,21$; $p = 0,00$), дефицитом убеждений в возможности получать удовлетворение от родительства ($\beta = -0,30$; $p = 0,00$). Остальные параметры родительского стресса испытывают влияние только субъективных факторов, среди которых наибольшую роль играют установки на интенсивность воспитания. Усиление представлений о высоком уровне требований родительской роли – «родительских стрессорах» – будет происходить ($R = 0,50$; $R^2 = 0,25$; $p = 0,000$) при наличии низкой оценки семейных отношений ($\beta = -0,17$; $p = 0,002$), сомнениях в возможности быть удовлетворённым родительством ($\beta = -0,35$; $p = 0,000$) и убеждённости в его трудозатратности ($\beta = 0,29$; $p = 0,000$). Представления о низкой вознаграждаемости от реализации родительских функций: «родительский ущерб» определяется ($R = 0,39$; $R^2 = 0,15$; $p = 0,000$) сочетанием выраженности установок на эссенциализм ($\beta = 0,31$; $p = 0,0000$), стимуляцию ($\beta = 0,25$; $p = 0,00002$), но низкой убеждённости в необходимости приоритетности нужд ребёнка – детоцентризма ($\beta = -0,20$; $p = 0,0005$). Потеря контроля над собственной жизнью как симптом родительского стресса предсказывается ($R = 0,53$; $R^2 = 0,28$; $p = 0,000$) сочетанием установок на эссенциализм ($\beta = 0,18$; $p = 0,0004$), трудностью родительской роли ($\beta = 0,19$; $p = 0,0003$) и дефицитом удовлетворённости ($\beta = -0,35$; $p = 0,000$), низкой оценкой семейных отношений ($\beta = -0,19$; $p = 0,0005$). Родительская неудовлетворённость как признак РС детерминируется тем же комплексом установок на интенсивность воспитания, что и общий уровень РС ($R = 0,43$; $R^2 = 0,19$; $p = 0,000$): эссенциализмом ($\beta = 0,26$; $p = 0,000$), стимуляцией ($\beta = 0,20$; $p = 0,0003$), убеждённости в дефиците родительской удовлетворённости ($\beta = -0,29$; $p = 0,000$).

Анализ корреляционных связей в группе респондентов с чайдл-фри ориентацией показывает практически полное отсутствие корреляционных связей стрессогенности с анамнестическими характеристиками (рис. 4), что открывает нам перспективы изучения чайдл-фри ориентации с точки зрения её обусловленности собственным опытом. Стоит обратить внимание на влияние позиции единственного ребёнка в семье на представления о стрессогенности родительства в виде потери контроля, а также на большую силу корреляционных связей отрицательного характера субъективных факторов со всеми параметрами родительского стресса. Опять же лидерами по взаимовлиянию являются установки на удовлетворённость (рис. 4).

В группе молодых людей с чайдл-фри ориентацией единственной детерминантой симптомов родительского стресса является установка возможность получать удовольствие от родительства («удовлетворённость»). Она отрицательно предсказывает не общий уровень стресса, а его отдельные признаки, а именно: родительские стрессоры ($R = 0,51$; $R^2 = 0,26$; $p = 0,003$; $\beta = -0,49$), потерю контроля ($R = 0,52$; $R^2 = 0,27$; $p = 0,003$; $\beta = -0,49$) и родительскую неудовлетворённость ($R = 0,58$; $R^2 = 0,34$; $p = 0,0005$; $\beta = -0,55$).

В группе молодёжи с ориентацией на многодетность наблюдаются сильные связи показателей стрессогенности с женским полом и, напротив, отрицательные связи с мужским (рис. 6).

Среди личных субъективных факторов (рис. 6) именно в этой группе связанными с представлением о стрессогенности родительства также становятся базисные убеждения о позитивности образа Я и своём умении сохранять контроль, а также оценка детско-родительских отношений.

Анализ детерминированности представлений о РС у молодёжи с многодетной ориентацией выявил влияние

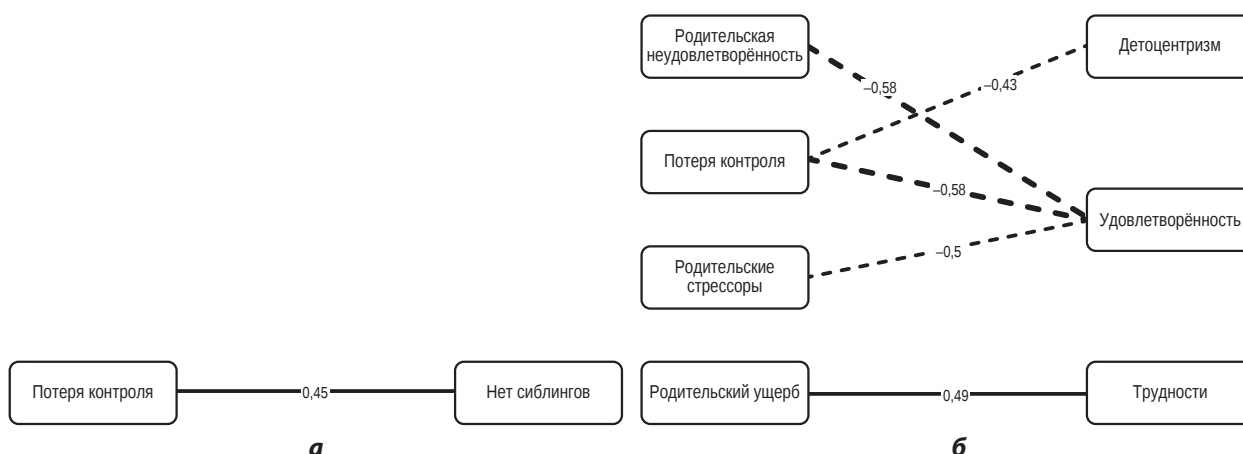

РИС. 4.

Корреляции показателей уровня предполагаемого родительского стресса у молодёжи с чайдл-фри ориентацией: **а** – с объективными характеристиками; **б** – с субъективными характеристиками. Уровень статистической значимости: линия средней толщины – $p \leq 0,01$; толстая линия – $p \leq 0,001$

FIG. 4.

Correlations of parameters of anticipated parental stress in young people with childfree orientation: **a** – with objective characteristics; **b** – with subjective characteristics. Level of statistical significance: medium line – $p \leq 0.01$; thick line – $p \leq 0.001$

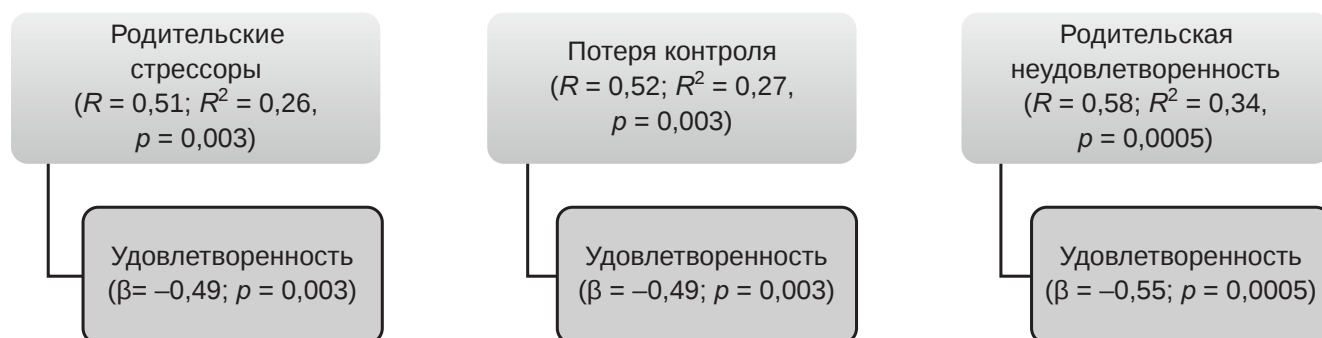

РИС. 5.

Детерминация показателей уровня предполагаемого родительского стресса у молодёжи с чайлд-фри ориентацией

FIG. 5.

Determination of the indicators of anticipated parental stress level in young people with childfree orientation

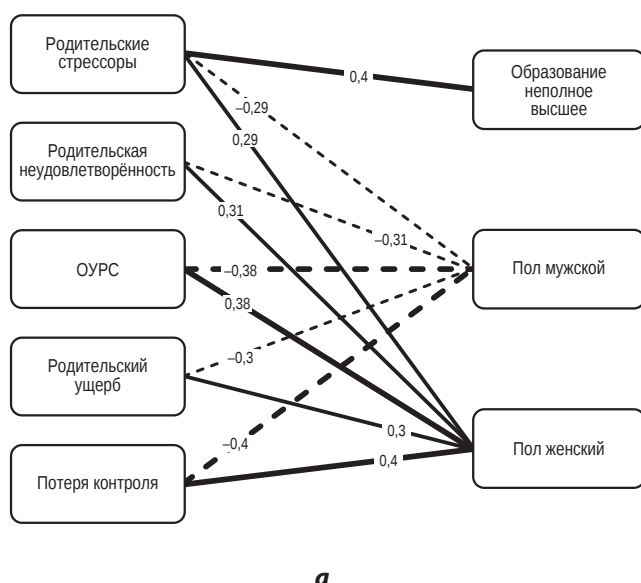

РИС. 6.

Корреляции показателей уровня предполагаемого родительского стресса у молодёжи с ориентацией на многодетность: **а** – с объективными характеристиками; **б** – с субъективными характеристиками. Уровень статистической значимости: линия средней толщины – $p \leq 0,01$; толстая линия – $p \leq 0,001$

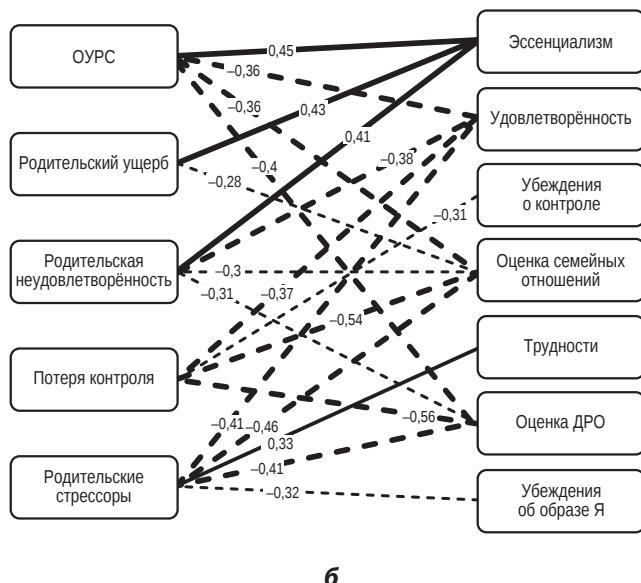

FIG. 6.

Correlations of parameters of parenthood in young people with a focus on having many children: **а** – with objective characteristics; **б** – with subjective characteristics. Level of statistical significance: medium line – $p \leq 0,01$; thick line – $p \leq 0,001$

лишь одного из объективных факторов (уровня образования) на параметр родительских стрессоров ($R = 0,40$; $R^2 = 0,16$; $p = 0,000$; $\beta = 0,39$). То есть наличие неполного высшего образования предсказывает усиление представлений о высоком уровне требований к родительской роли. В остальном также определено влияние только субъективных факторов. Выраженность общего уровня родительского стресса ($R = 0,43$; $R^2 = 0,19$; $p = 0,0001$; $\beta = 0,41$), его симптомов в виде «родительского ущерба» ($R = 0,41$; $R^2 = 0,17$; $p = 0,0002$; $\beta = 0,39$) и родительской неудовлетворённости ($R = 0,42$; $R^2 = 0,18$; $p = 0,0002$; $\beta = 0,40$) предсказываются выраженностью установок на эссенциализм. Невысокий уровень установки на получение удовольствия от родительства предсказывает выраженность симптома РС «потеря контроля» ($R = 0,39$; $R^2 = 0,15$; $p = 0,0006$; $\beta = -0,37$). Формирование представ-

лений о высоком уровне требований к родительству – «родительских стрессорах» – детерминируется группой факторов ($R = 0,56$; $R^2 = 0,32$; $p = 0,0000$), включающих установки на трудозатратность ($\beta = 0,39$; $p = 0,0001$) и низкую удовлетворённость ($\beta = -0,48$; $p = 0,000004$) от родительства.

ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ детерминант представлений о стрессогенности родительской роли в общей выборке потенциальных родителей. Среди контекстных объективных детерминант представлений о стрессогенности родительской роли в общей молодёжной выборке значительный вклад в предопределение представлений о стрессогенности

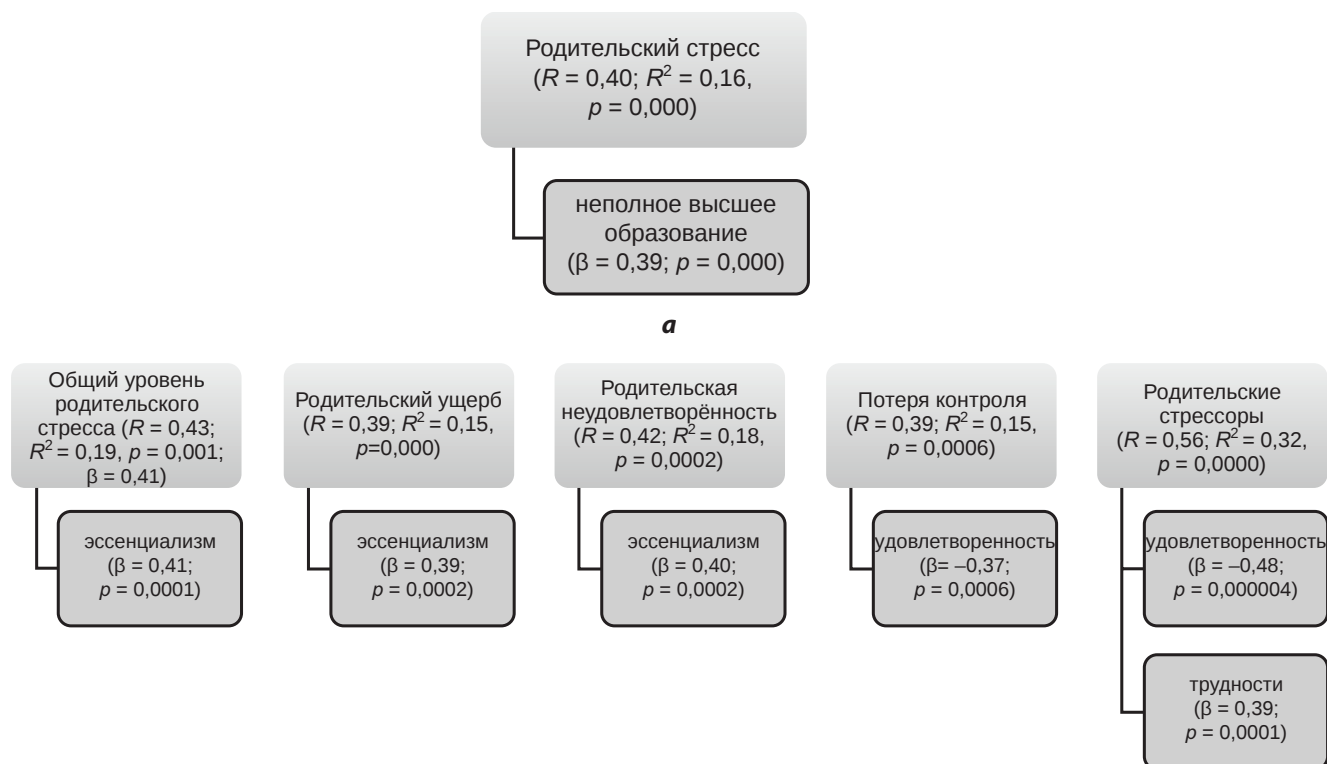

РИС. 7.

Детерминация показателей уровня предполагаемого родительского стресса у молодёжи с ориентацией на многодетность: **а** – объективных характеристик; **б** – субъективных характеристик

FIG. 7.

The influence on indicators of the level of perceived parental stress in young people with a focus on having many children: **a** – with objective characteristics; **b** – with subjective characteristics

вносит *возраст*, что согласуется с имеющимися исследованиями о развитии системы представлений о родительстве [17], а также может объясняться расширением социального опыта, когнитивным развитием, повышением уровня личностной зрелости. Видимо, эти процессы также могут объяснить и роль *фактора образования*. Возможно, обучение в вузах, просвещающее о закономерностях развития, формирует ожидание стрессогенности, так как говорит в основном о кризисах и трудностях различных возрастных периодов и мало – о вариантах их преодоления. Имеющийся опыт отказа от обучения в вузе (неоконченное высшее) повышает стрессогенность в части представлений о высоких требованиях к родителям (родительские стрессоры), что, предположительно, может быть связано с ожиданием неопределённости будущего.

Выделение факта «отсутствие партнёра» как фактора гипотетического РС не показалось неожиданным, поскольку в целом неполная семья считается более уязвимой, а родитель в ней более подвержен сложностям, связанным с ролевой перегрузкой. Также это согласуется с важной ролью социальной поддержки в возникновении РС [12]. В некоторых исследованиях фактор отсутствия партнёра косвенно определяется как стрессогенный, поскольку он связан с более низкой удовлетворённостью родительской ролью [8].

Пол не выступает как детерминанта стрессогенности родительства в отношении представлений о родительском стрессе в совокупной выборке. Однако он может являться фактором, оказывающим влияние на эти представления, в отдельном анализе данных группы потенциально малодетных родителей. В этом нам видится следование гендерным стереотипам (представление о большей роли женщин в воспитании детей и, как следствие, о большем стрессе, испытываемом ею). В ряде исследований показано, что матери испытывают меньшую удовлетворённость родительство, нежели отцы [1, 3]. В контексте выраженности эссенциальных установок интенсивного родительства женщины зачастую испытывают давление со стороны общества, заставляющее их следовать культурным стандартам воспитания с высокой степенью участия [26]. Также вслед за L. Ruppner и соавт. (2019) мы склонны обосновывать этот результат большей ориентировкой потенциально малодетных матерей на основную роль в уходе за детьми и в их воспитании, а также на преимущественное выполнение ими домашних обязанностей [28]. Стоит отметить, что экономическое положение, тип родительской семьи, наличие разводов и ряд других предполагаемых нами факторов также не стали детерминантами представлений о стрессогенности родительской роли в общей выборке потенциальных родителей.

Среди личных «субъективных» микроуровневых факторов, являющихся детерминантами стрессогенности родительской роли в представлениях молодых людей, большую роль играют *установки на интенсивность воспитания*. Интересным является установленный факт отрицательного влияния установки на получение удовлетворённости от родительства на представление о РС у молодёжи. Данная установка рассматривается как вариант самореализации, когда активное воспитание ребёнка может приносить положительный результат, и удовольствие, соответственно может выступать фактором, снижающим представления о стрессогенности родительства. Аналогичные данные были получены нами ранее на выборке матерей, стресс которых был низким при наличии убеждений о вознаграждаемости родительства [29].

Установка о необходимости стимулировать развитие ребёнка с раннего возраста является фактором, усиливающим восприятие родительской роли как стрессогенной. Данная связь также прослеживается в группах молодёжи, ориентированной на бездетность или малодетность, что подчёркивает её роль в фертильных планах. Выявленная закономерность подтверждает негативную роль родительского детерминизма как тотальной социальной установки, создающей ориентации на «правильное родительство» [30].

Стоит отметить большое количество связей параметров представляемого родительского стресса с *восприятием родительской роли как трудной* (родительство воспринимается как сложная жизненная задача, «вызов», «трудозатратный проект») и *убеждениями эссенциализма* (женщина является более компетентным родителем и несёт основную нагрузку по уходу и воспитанию). Выделенные субъективные факторы стрессогенности родительской роли в молодёжной среде характерны и для родителей с детьми. Мужчины и женщины, считавшие родительство сложной задачей, были склонны к депрессии и демонстрировали более высокие уровни стресса, при этом испытывая меньшую удовлетворённость жизнью. Убеждённость женщин в том, что «материнство – это вызов», снижает их чувство компетентности в качестве родителя, что приводит к ухудшению самочувствия [29].

Значительный вклад в представления о стрессогенности родительской роли вносит фактор *оценки отношений в семье* респондентов. Хотелось бы отметить, что оценка детско-родительских отношений не стала детерминантой (хотя имеет связь с представлениями о РС в некоторых группах респондентов), что противоречит имеющимся исследованиям, показывающим роль отношений с родителями в становлении представлений [17]. Однако это указывает на роль включённости в семейную систему, наличие системной социальной поддержки как фактора протекции восприятия стрессогенности родительской роли. Базисные убеждения не были определены как детерминанты общих представлений о стрессогенности родительской роли, но некоторые из них могут влиять на представления о стрессе родителя группы молодёжи, ориентированной на многодетность.

Анализ детерминант представлений о стрессогенности родительства с учётом репродуктивных планов позволяет констатировать наличие системы производящих (детерминирующих) и второстепенных (выступающих в качестве условий) факторов стрессогенности родительской роли. Однако среди и первых, и вторых во всех трёх группах существуют статистически значимо сильные и многочисленные связи параметров РС с субъективными факторами. Общим для всех групп оказалась отрицательная связь параметров родительского стресса с удовлетворённостью, что в полной мере соотносится с исследованиями зарубежных учёных, свидетельствующими о негативных аспектах родительства [1, 2].

Группа гипотетически малодетных родителей, среди которых большинство выросли в полных семьях, и у них самый высокий процент отсутствия сиблингов среди всех групп, представляют родительскую роль как умеренно стрессогенную, имеющую ресурс в виде получения позитивных эмоций, удовольствия от родительства. В качестве объективных детерминант представлений о РС выступает фактор возраста, что позволяет предполагать закрепление критичного, но тревожного отношения к родительству и, соответственно, установок на малодетность при взрослении. Как способствующие усилению представлений о РС в данной группе могут выступать фактор принадлежности к женскому полу и образование. Среди субъективных детерминант стрессогенности родительства выступает сочетание различных установок на интенсивность воспитания, а также невысокая оценка семейных отношений. Чаще всего в системе производящих субъективных факторов, усиливающих РС, значительную роль играет сочетание установки на главенствующую роль матери («эссенциализм») с установками на дефицит получения удовольствия от воспитания («удовлетворённость») или на необходимость стимулировать развитие («стимуляция»). Это формирует некоторый психологический портрет семьи, существующий в этой группе и связанный с РС, с гиперответственной мамой, ощущающей необходимость развивать ребёнка и не получающей удовольствия от этого.

Группа респондентов с ориентацией на многодетность, которые показали самую низкую выраженность стрессогенности родительской роли, преимущественно воспитывались в полной семье, и весомая их часть – в многодетных семьях. В качестве объективных детерминант представлений о РС у них выступает наличие опыта незавершённого образования. Это, вероятно, рассматривается в данной группе как потеря ресурса, противостоящего РС. Принадлежность к женскому полу здесь оказывает, как и в предыдущей группе, усиливающее влияние, а со снижением РС связан только мужской пол. Полученные результаты соотносятся с данными других учёных [1, 7], что при только намечающейся тенденции к изменению ситуации и к большему вовлечению мужчин в процесс воспитания детей, а следовательно, и их большей подверженности родительскому стрессу, является актуальным. В качестве субъектив-

ных детерминант выступают исключительно установки на воспитание, среди которых лидируют параметр эссенциализма и чувство преимущественной ответственности матерей за воспитание ребёнка. Это может объясняться страхом потери социальной поддержки, о которой, например, сообщают женщины, имеющие детей [14].

В этой группе также отмечается связь параметров РС с оценкой отношений в семейной системе (детско-родительских и семейных в целом), что выступает условием усиления РС в представлениях молодёжи. В литературе отчасти освещены конфликтная ситуация в семье [8] и особенности родительских семей как факторы стресса [19], а в нашем случае это может подчёркивать роль субъективной оценки опыта воспитания в родительской семье. Влияние базисных убеждений на показатели РС выявлено только в данной группе респондентов, что, на наш взгляд, может говорить о роли личностных факторов в формировании представлений о родительстве и требует дальнейшего изучения.

Почти полное отсутствие объективных детерминант стрессогенности родительской роли выявлено только в *группе лиц с ориентацией на бездетность*. В данной группе больше респондентов мужского пола, не имеющих отношений, и самые высокие показатели выраженности предполагаемого РС, на который может оказывать (в качестве объективного условия) позиция единственного ребёнка в семье. Невозможность получения удовольствия и самореализации от процесса воспитания ребёнка являются производным для симптомов РС фактором, а выраженность иных установок на воспитание может оказывать влияние на представления о стрессогенности родительской роли. Интересным является установленное отрицательное влияние на усиление признаков родительского стресса несформированности установок на детоцентризм и необходимости стимулирования детей. Данный факт заставляет предположить наличие внутреннего конфликта у этих респондентов: с одной стороны – нежелание ставить воспитание ребёнка в жизненный приоритет и тратить на него личные ресурсы, с другой – понимание необходимости этого. Такое положение дел, на наш взгляд, может приводить к чувству вины, а выбранная ориентация на бездетность – рассматриваться как выход из конфликта.

Ограничениями исследования является некоторая обзорность выделенных субъективных факторов раскрытия детерминант представлений о родительском стрессе, что обусловлено поисковым характером исследования. Возраст респондентов накладывает ограничения на генерализацию полученных результатов на всю совокупность молодых людей, не имеющих детей (например, старше 30 лет), но он позволяет выделить статистически значимые закономерности, актуальные для молодёжи поколения Z. Полное изложение детерминант представлений о родительском стрессе видится нам как перспектива дальнейших исследований данной тематики.

ВЫВОДЫ

В результате теоретического анализа отмечено негативное влияние родительского стресса и тенденции к интенсивному исполнению родительской роли на психическое здоровье родителей и детей с точки зрения создания препятствий для нормативного взросления и психического развития.

Эмпирическое исследование позволило выделить комплекс факторов, которые могут оказывать влияние на повышение стрессогенности родительской роли в представлениях потенциальных родителей и, соответственно, увеличивать риск неблагоприятного для собственного психического и физического здоровья и здоровья детей родительского поведения.

Молодые люди как потенциальные родители воспринимают родительскую роль с точки зрения её «интенсивности» и трудозатратности. В целом представления молодых людей о потенциальном стрессе родительства детерминируются комплексом контекстных «объективных» (возраст, статус личных отношений, образование) и личных «субъективных» (оценкой семейных отношений, установками на необходимость стимуляции развития ребёнка, эссенциализм и получение удовлетворения от воспитания детей) факторов, однако наибольший вклад вносят субъективные факторы.

Уровень стрессогенности родительской роли статистически значимо различается в представлениях молодёжи с разной ориентацией на деторождение, что может рассматриваться как одно из условий формирования фертильных установок. Уровень стрессогенности родительства определяется системой детерминирующих факторов. В качестве общих предпосылок РС (не зависящих от планов на деторождение) выступают установки на интенсивность воспитания, которые, видимо, формируются как обобщение детского семейного и социального опыта. Основополагающую роль здесь играет установка на дефицит удовольствия от воспитания детей.

В группе лиц с чайлд-фри ориентацией отмечено практически полное отсутствие детерминации стрессогенности родительства объективными характеристиками, обусловленность высокого уровня РС в представлениях молодых людей установкой на невозможность самореализации и получения удовольствия от воспитания детей. Выбор ориентации на бездетность может являться способом разрешения конфликта между несформированностью установок на приоритет ребёнка и давлением социальных требований по его воспитанию.

Выявлена схожесть детерминант РС, умеренный уровень которого прогнозируется в будущем, в группах респондентов с ориентацией на деторождение. Основными параметрами являются эссенциализм, отражающий неравномерность распределения обязанностей по воспитанию и развитию детей между матерью и отцом, избыточный уровень ответственности матери за это. В группе молодёжи с малодетной ориентацией повышение уровня РС и его симптомов детерминирует комплекс устано-

вок, включающих эссенциализм, а также оценка семейных отношений.

Таким образом, отмечена преимущественная детерминация представлений о стрессогенности родительской роли субъективными факторами в противовес объективным. Выявлена специфика детерминации представлений о родительском стрессе в зависимости от ориентации на деторождение.

Финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-00678 (<https://rscf.ru/project/22-28-00678>).

Конфликт интересов

Авторы данной статьи сообщают об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Nelson SK, Kushlev K, Lyubomirsky S. The pains and pleasures of parenting: When, why, and how is parenthood associated with more or less well-being? *Psychol Bull.* 2014; 140(3): 846-895. doi: 10.1037/a0035444
2. Bornstein M. Children's parents. In: Lerner R, Liben L, Muelher U (eds). *Handbook of child psychology and developmental science. Cognitive processes.* 2015: 1-78.
3. Nomaguchi K, Milkie MA. Parenthood and well-being: A decade in review. *J Marriage Fam.* 2020; 82(1): 198-223. doi: 10.1111/jomf.12646
4. Chen HY, Hou TW, Chuang CH, TBPS Research Group. Applying data mining to explore the risk factors of parenting stress. *Exp Sys Appl.* 2010; 37(1): 598-601. doi: 10.1016/j.eswa.2009.05.028
5. Pritchard KM, Falci CD. Mental health across motherhood status: An examination of mediating factors. *J Family Iss.* 2020; 41(8): 1083-1111. doi: 10.1177/0192513X19885160
6. Deater-Deckard K. Parenting stress and child adjustment: Some old hypotheses and new questions. *Clin Psychol Sci Pract.* 1998; 5(3): 314-332. doi: 10.1111/j.1468-2850.1998.tb00152.x
7. Савенышева С.С., Аникина В.О., Мельдо Э.В. Факторы родительского стресса матерей детей раннего и дошкольного возраста: анализ зарубежных исследований. *Современная зарубежная психология.* 2019; 8(4): 38-48. [Savenysheva SS, Anikina VO, Meldo EV. Factors of parenting stress in mothers of young and preschool children: An analysis of foreign studies. *Journal of Modern Foreign Psychology.* 2019; 8(4): 38-48. (In Russ.)]. doi: 10.17759/jmfp.2019080404
8. Nelson-Coffey SK, Killingsworth M, Layous K, Cole SW, Lyubomirsky S. Parenthood is associated with greater well-being for fathers than mothers. *Personality Soc Psychol Bull.* 2019; 45(9): 1378-1390. doi: 10.1177/0146167219829174
9. Oyarzún-Farías M, Cova F, Navarrete CB. Parental stress and satisfaction in parents with pre-school and school age children. *Front Psychol.* 2021; 12: 683117. doi: 10.3389/fpsyg.2021.683117
10. Vuori A, Åstedt-Kurki P. Experiences of health and well-being among Finnish low-income fathers. *Nurs Inquiry.* 2013; 20(2): 165-175. doi: 10.1111/j.1440-1800.2011.00590.x
11. McQuillan ME, Bates JE. Parental stress and child temperament. In: Deater-Deckard K, Panneton R (eds). *Parental stress and early child development.* 2017: 75-106. doi: 10.1007/978-3-319-55376-4_4
12. Secco ML, Moffatt ME. Situational, maternal, and infant influences on parenting stress among adolescent mothers. *Iss Compr Pediatr Nurs.* 2003; 26(2): 103-122. doi: 10.1080/01460860390197862
13. Василенко В.Е., Савенышева С.С., Заплетина О.О. Родительский и повседневный стресс у матерей детей раннего и дошкольного возраста. *Консультативная психология и психотерапия.* 2021; 29(4): 27-48. [Vasilenko VE, Savenysheva SS, Zapletina OO. Parenting stress and daily hassles in mothers of young and preschool children. *Counseling Psychology and Psychotherapy.* 2021; 29(4): 27-48. (In Russ.)]. doi: 10.17759/cpp.2021290403
14. Mikolajczak M, Raes ME, Avalosse H, Roskam I. Exhausted parents: Sociodemographic, child-related, parent-related, parenting and family-functioning correlates of parental burnout. *Key Topics in Parenting and Behavior.* 2022: 57-69.
15. Аникина В.О., Пшонова К.А. Взаимосвязь родительских компетенций, эмоционального состояния и уровня родительского стресса матерей детей дошкольного и младшего школьного возраста. *Мир науки. Педагогика и психология.* 2019; 7(6). [Anikina VO, Psonova KA. Correlations between parental competencies, emotional states and parenting stress of mothers of preschool and primary school children. *World of Science. Pedagogy and Psychology.* 2019; 7(6). (In Russ.)]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/59PSMN619.pdf> [дата доступа: 04.06.2023].
16. Neal ZP, Neal JW. Prevalence, age of decision, and interpersonal warmth judgements of childfree adults. *Sci Rep.* 2022; 12(1): 11907. doi: 10.1038/s41598-022-15728-z
17. Захарова Е.И., Карабанова О.А., Старостина Ю.А., Долгих А.Г. Представления о будущем родительстве в подростковом и юношеском возрасте. *Российский психологический журнал.* 2019; 16(2): 103-122. [Zakharova EI, Karabanova OA, Starostina YuA, Dolgikh AG. Ideas on future parenthood in adolescents and young adults. *Russian Psychological Journal.* 2019; 16(2): 103-122. (In Russ.)]. doi: 10.21702/rpj.2019.2.6
18. Антипина А.Н., Бастраскова Н.С. Сформированность представлений о родительстве в аспекте оптимизма в период ранней юности. *Прикладная психология: Материалы 7-й Всероссийской научно-практической конференции для практикующих психологов, молодых ученых и студентов (25–26 апреля 2013 г., Екатеринбург).* Екатеринбург; 2013: 61-64. [Antipina AN, Bastrakova NS. Formation of ideas about parenthood in the aspect of optimism during early adolescence. *Applied psychology: Materials of the 7th All-Russian scientific and practical conference for practicing psychologists, young scientists and students (April 25–26, 2013, Yekaterinburg).* Yekaterinburg; 2013: 61-64. (In Russ.)].
19. Ajzen I, Klobas J. Fertility intentions: An approach based on the theory of planned behavior. *Demograph Res.* 2013; 29: 203-232. URL: <https://www.jstor.org/stable/26348152> [date of access: 12.05.2023].
20. Peng R, Mou W, Xu P. Factors associated with fertility intention among Chinese married youth during the COVID-19 pandemic. *Behav Sci.* 2023; 13(2): 184. doi: 10.3390/bs13020184
21. Вагапова А.Р. Формирование представлений у молодежи о материнстве и отцовстве. *Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика.* 2015; 15(2): 31-35. [Vagapova AR. Formation of ideas of moth-

erhood and paternity at youth. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2015; 15(2): 31-35. (In Russ.)). doi: 10.18500/1819-7671-2015-15-2-31-35

22. Бостанджиева Т.М., Алферова Е.И., Остякова Г.В. Психологические аспекты готовности к родительству. *Современное педагогическое образование*. 2020; (6): 231-235. [Bostandzhieva TM, Alferova EI, Ostyakova GV. Psychological aspects of readiness for parenthood. *Modern Pedagogical Education*. 2020; (6): 231-235. (In Russ.)].

23. Мерзлякова С.В., Бибарсова Н.В. Ответственность как фактор развития семейного самоопределения в юношеском возрасте. *Национальный психологический журнал*. 2022; 2(46): 3-13. [Merzlyakova SV, Bibarsova NV. Responsibility as a factor in the development of family self-determination in adolescence. *National Psychological Journal*. 2022; 2(46): 3-13. (In Russ.)]. doi: 10.11621/npj.2022.0201

24. Падун М.А., Котельникова А.В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Булман. *Психологический журнал*. 2008; 29(4): 98-106. [Padun MA, Kotel'nikova AV. Modification of R. Janoff-Bulman's procedure for personality basic beliefs study. *Psychological Journal*. 2008; 29(4): 98-106. (In Russ.)].

25. Злоказов К.В., Новикова Ю.А., Гайдамашко И.В., Шахматов А.В. Связь базисных убеждений сотрудников органов внутренних дел с представлением о социальном взаимодействии. *Психология и педагогика служебной деятельности*. 2022; (1): 28-35. [Zlokazov KV, Novikova YA, Gaidamashko IV, Shakhma-

tov AV. Relationship of basic beliefs of internal affairs officers with the notion of social interaction. *Psychology and Pedagogy of Service Activity*. 2022; (1): 28-35. (In Russ.)]. doi: 10.24412/2658-638X-2022-1-28-35

26. Liss M, Schiffrin NH, Mackintosh VH, Miles-McLean H, Erchull MJ. Development and validation of a quantitative measure of intensive parenting attitudes. *J Child Family Studies*. 2013; 22: 621-636. doi: 10.1007/s10826-012-9616-y

27. Мисюк Ю.В., Тихонова И.В. Русскоязычная версия «Шкалы родительского стресса»: результаты первичной оценки внутренней надежности и валидности. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022; 9(101): 58-66. [Misiyuk YuV, Tikhonova IV. Russian version of the Parental Stress Scale: Results of the initial assessment of internal reliability and validity. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2022; 9(101): 58-66.]. doi: 10.24158/spp.2022.9.9

28. Ruppanner L, Perales F, Baxter J. Harried and unhealthy? Parenthood, time pressure, and mental health. *J Marriage Family*. 2019; 81(2): 308-326. doi: 10.1111/jomfmf.12531

29. Мисюк Ю.В., Тихонова И.В., Хазова С.А. Интенсивное материнство в контексте родительского стресса. *Вопросы психологии*. 2022; 68(3): 71-81. [Misiyuk YuV, Tikhonova IV, Khazova SA. Intensive mothering in the context of parenting stress. *Voprosy Psichologii*. 2022; 68(3): 71-81. (In Russ.)].

30. Widding U. Parental determinism in the Swedish strategy for parenting support. *Soc Policy Soc*. 2018; 17(3): 481-490. doi: 10.1017/S1474746417000513

Сведения об авторах

Тихонова Инна Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО Костромской государственный университет, e-mail: inn.007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7756-0610>

Шипова Наталья Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО Костромской государственный университет, e-mail: ns.shipova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0741-1297>

Мисюк Юлия Викторовна – кандидат психологических наук, младший научный сотрудник управления научно-исследовательской деятельности, ФГБОУ ВО Костромской государственный университет, e-mail: misiyk@ysmu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3257-1978>

Information about the authors

Inna V. Tikhonova – Cand. Sc. (Psychol.), Associate Professor at the Department of Special Pedagogy and Psychology, Kostroma State University, 156000 Russian Federation, Kostroma, e-mail: inn.007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7756-0610>

Natalya S. Shipova – Cand. Sc. (Psychol.), Associate Professor at the Department of Special Pedagogy and Psychology, Kostroma State University, e-mail: ns.shipova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0741-1297>

Yuliya V. Misiyuk – Cand. Sc. (Psychol.), Junior Research Officer at the Department of Research Activity, Kostroma State University, e-mail: misiyk@ysmu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3257-1978>